

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 89 (3590)

Суббота, 28 июля 1956 г.

Цена 40 коп.

Жатва на целине

В морях его дорог... Фотохудож. Я. Ромкина

Николай ФЛЕРОВ

Матросская юность

Из поэмы «Четыре ветра»

Зерной глаза — и равняет канонада, И год далекий встанет, как живой... Матросская юность... Мотор один ревет. А сверху — вот расцвет! — Как обрушившийся молот, Как пуля из обшюки: «Кто идет?» «Свои», — спокойно отвечает штурман. Пусть не поверят, что все равно; Для дерзкого задуманного штурма Им выиграть секунду только надо, Чтоб проскочить, Саунда — вот расцвет! — А наверху Уже гремит команда, Летит повторный окрик: «Кто идет?» «Пароль! Стреляем!» Рулевой, до боли Штурвал сжимая, Вдаль, во тьму глядит. И вместо неизвестного пароля «Братиска, полный!» — Штурман говорит. И в ночь, Где катер исчезает быстрый, Не спрашивая «кто идет?», Вдогонку юнker посылает выстрел, Строчит, как окаянный, Пулемет — По борту ль, по рубке, по корме ли Строчит, как сумасшедший, в «белый свет»... Но штурман молвит: «Вроде пролетели!» Теперь не стыдно в Смольном дать ответ...

Н. КРИВАНЧИКОВ

Штурман

Сколько отзвонело звонких склянок Над иллюминатором таким, Сколько было якорных стоек По морям отмечено чужим! Порт... И снова — пенная дорога Ветса и думится за кормой, От Стамбула до Владивостока Круто обгibas шар земной, Бьет волна и вертится планета, Только для подсчета формул нету,

Игорь СТРОГАНОВ

Шторм

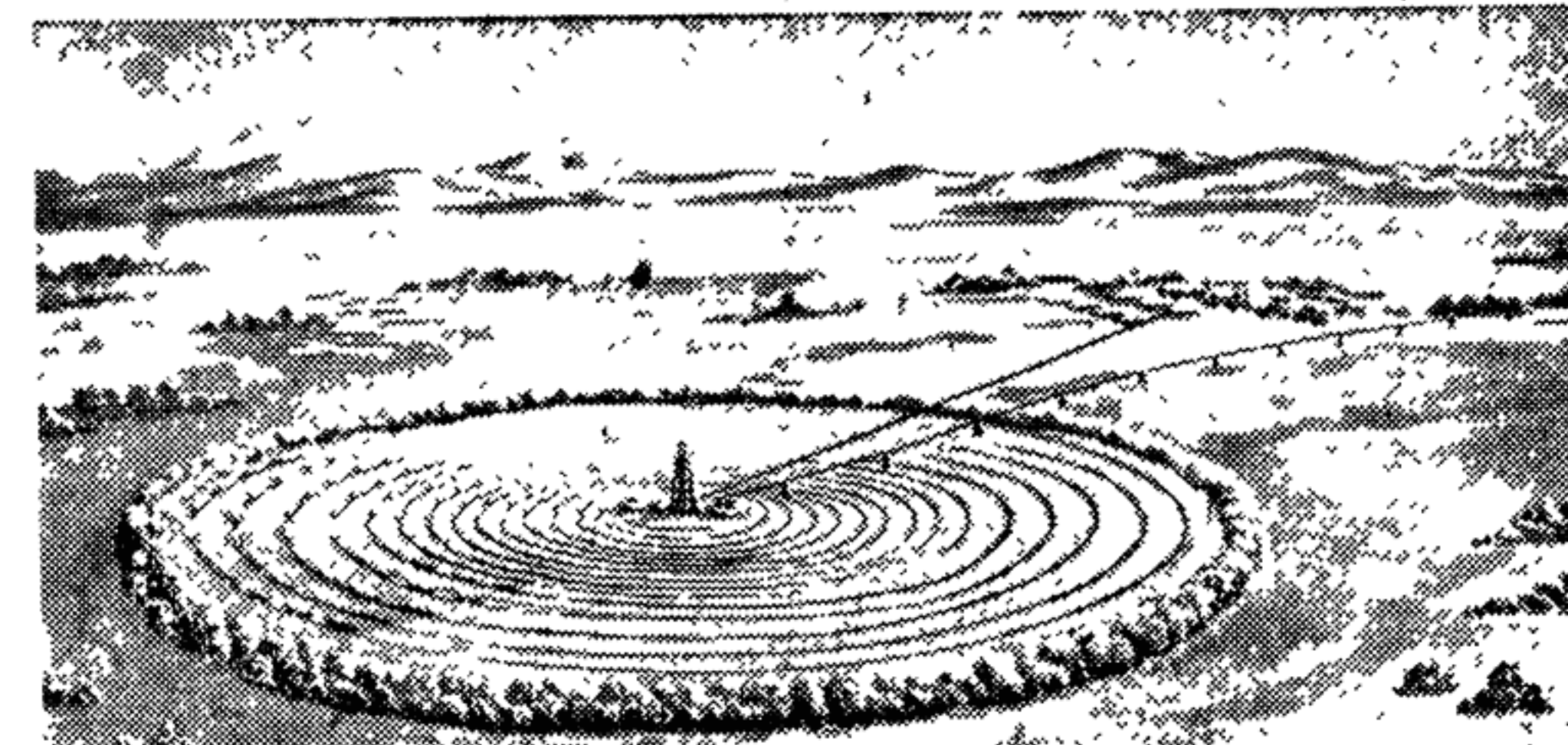
Льшь повеет ветрами суровыми, Подчиняясь закону морскому, Ненадежное все — найтовам Закрепляем по-штормовому. Знаем — стонт морю нахмуриться, Грохнут в палубу Лапой таяющей, Как становится Волк мокрою курицей «Вокз мой, Облеченный в тельняшку, Шторм тряснет, Обнажая нагичто, Оставила голым такого, Без шевронов И прочих всяческих Украшений места пусто. А другой, нечеловеческой миной На последнее место Протиснувшись, стонт молодничью, Молочничью и мужничью, Морщиничью Первого сорта! Вот в такое-то время грозное, Штормовое — Отлетает за борт все наносное, Остается одно основное...

Первая солнечная электростанция

КТО в детстве не пытался поймать солнечный луч или управлять им? Стоило повернуть осколок зеркала к солнцу, и его луч становился по слухам тебе, — слышимым тебе, — можно было направить его на стенку соседнего дома или засветить находящегося в нескольких шагах товарища шпуриться от яркого света. Этот простой способ использования зеркал-отражателей положен ныне в основу проекта строительства первой в мире солнечной электростанции в Армении. Теоретические расчеты и экспериментальные опыты в этой области велись долго. Они были затем рассмотрены авторитетной комиссией Академии наук СССР, которая подтвердила возможность промышленного использования солнечной энергии в больших размерах. Вагняните на публикуемую нами схему. Электрическая станция необычна по своему внешнему виду: у нее нет высоких труб, какие бывают у тепловых станций, нет плотин, обязательной для каждой ГЭС. Огромный ровный круг диаметром почти в километр обсажен деревьями, чтобы защитить зеркала от пыли. В центре круга — башня высотой 30 метров. На ней должен вращаться паровой котел, воду которого энергия солнца нагреет до кипения, поднимая давление пара до 30 атмосфер. Отсюда пар пойдет по трубам к турбине электростанции мощностью 1200 киловатт. Вокруг башни надо построить 23 круга рельсовых путей. Двадцать три поезда-автомата поездут по этим путям на особые вагончики-лафеты 1293 больших зеркала. Реле-автоматы будут всегда держать зеркала в направлении к солнцу, посылая улавливаемые ими лучи на плоскую стенку котла. В то же время другие автоматы, соединенные син-

ОНА БУДЕТ ПОСТРОЕНА НА АРАРАТСКОЙ РАВИНЕ

хронно с тележками поездов, будут поворачивать стенку котла под таким углом, чтобы на нее непрерывно падали только прямые лучи, отраженные от зеркала. Так и будет действовать станция: взойдет солнце, его лучи упадут на фотоэлементы, они включат автоматы, те заставят поездку держать постоянно зеркала повернутыми к солнцу, а котел — подставит свою плоскую стенку этим лучам. Первую солнечную электростанцию промышленного типа предлагается построить в Армении между деревнями Эммануином и Огтембарном, у озера Айгерлян, в равнине Арарата. Выбор пал на Араратскую равнину не случайно. По данным ученых, здесь зарегистрировано 2600 солнечных часов в год.

что значительно превышает количество солнечных часов в Ташкенте или Ашхабаде. Да и по количеству тепла, посылаемого солнцем на поверхность земли, Араратская равнина оказалась на первом месте. Каждый квадратный метр земной поверхности получает здесь от солнца два миллиона килокалорий тепла в год, в то время как район Ташкента — 1760 тысяч, а район Хирсы (Грузия) — 1560 тысяч. Выбор пал на Араратскую равнину и по другой причине. Первая солнечная электростанция будет не только опытно-экспериментальной, но и промышленной. Араратская равнина требует большое количество энергии для борьбы с засолченностью почвы и для орошения полей. Насосы, приводимые в действие солнечной энергией, начнут откачивать грунтовые воды из низин и направлять их на эти поля. Так, благодаря станции будет возвращено плодородие десяткам тысяч гектаров земли.

Солнечная электростанция, естественно, сможет работать только днем, в ясную погоду. В данном случае это не создаст больших неудобств — насосы будут откачивать грунтовые воды в день. Отработанный после турбины пар можно будет направить для производства льда, который нужен совхозам.

А вот как быть с обогревом теплиц и парников, отоплением в зимние месяцы квартир работников совхоза, подачей горячей воды в баню, прачечную? Эта проблема решена очень интересно. При солнечной станции будет создана простейшая аккумуляторная теплица. Это подземные водоемы, представляющие собой как бы своеобразные гигантские термосы. Здесь будет храниться вода, подогретая солнцем до 70—80 градусов. Убыль воды и тепла станция пополнит во время своей работы в солнечные дни.

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ

Полноценная, содержательная жизнь кинофестиваля находит свое отражение в еженедельном бюллетене, издающемся на пяти языках. Перед нами несколько последних номеров бюллетеня. Вот сообщение о том, что после переговоров с Чехословацким государственным фильмом Международной федерацией кинопродюсеров было принято решение проводить кинофестиваль в Карловых Варах ежегодно в июле. На следующий стране публикуется отчет о просмотре болгарского художественного фильма «Димитровград», которому предшествовала отличная мультипликация болгарского же производства «Внимательный ангелок».

Вне конкурса

Любопытные цифры приводит бюллетень участники фестиваля говорят на 21 языке, за первые десять дней международного киноконкурса они просматривали 145 километров киноленты. «Нет места для диких животных» — так называется западногерманский фильм, сообщение о показе которого также публикуется в бюллетене. Авторы этой кинокартины, демонстрирующейся вне конкурса, выступают против безрассудного истребления диких животных в Африке. В этой картине очень удачны натурные съемки. Заметим кстати, что международное значение фестиваля в Карловых Варах скрывается и в том, что ряд кинофильмов демонстрируется здесь вне конкурса. Широкоэкранный французский фильм «Остановите машину № Н-43» и фильм «Тайны Пикассо», раскрывающий двери в творческую лабораторию художника, американская картина «Марти» — все это показывается здесь сверх официальной программы и принимается с большим интересом. Фильм «Марти» — несколько наивная, глубоко человеческая история простого мясника, который никак не может найти себе жену, — был с вниманием встречен зрителями. Надо отметить и успех американского короткометражного научно-популярного фильма «Цвет кожи»: он рассказывает о происхождении различий в цвете кожи различных народов.

Когда гаснет свет в зале...

Среди кинокартин, с большим успехом прошедших на фестивале в последние дни, надо назвать прежде всего финский фильм «Иосипин с фюрда» и итальянский широкоэкранный цветной фильм «Римские рассказы», созданный по произведениям А. Моравиа. «Иосипин с фюрда» — история беспробудной жизни финского крестьянина-бедняка, в двадцатые годы, во времена «сухого закона», пытавшегося выбиться из нищеты торговлей самогонном. Фильм сделан в очень мрачных тонах; когда смотришь его, тебе не остается ощущение невероятной тяжести, которая пригнута к земле эти бедняки. В кинокартине сильно ощутима струя сурового, беспощадного реализма, хотя порой его авторам, стремящимся показать все отчаяние нищеты, изменяет чувство меры.

Нечто обратное происходит, на наш взгляд, в фильме «Римские рассказы», повествующем о том, как четверо молодых людей, пытаясь уйти от нужды, занимаются сбытом фальшивых ассигнаций, спекулируя, мошенничеством. Трудности жизни привели их на этот путь. Думается, что советским зрителям, знающим Италию по многим выдающимся итальянским кинофильмам, демонстрирующимся в СССР, покажется несколько странной фильм «Римские рассказы». Слишком уж нарочито красива здесь Италия на ее фоне кажутся несерьезными те тяготы, которые переживают герои фильма. Этот упрек не зачеркивает, разумеется, больших достоинств фильма — мастерства режиссуры, блестящей игры актеров, высокого технического исполнения.

Бразильский режиссер и сценарист

Перейра дос Сантос перед демонстрацией на международном кинофестивале своего фильма «Рио 40°» сказал всего лишь: «Просту у вас полтора часа внимания. Я хочу вам показать воскресенье в Рио-де-Жанейро, воскресенье в городе, в котором я живу. Благодаря вас».

И этого оказалось вполне достаточно — через несколько минут фильм сам говорил за себя. Картина «Рио 40°» — первая большая популярная в странах Латинской Америки, — первая работа Перейры дос Сантоса. Это цикл сценков воскресной жизни большого южного города, несколько эпизодов, связанных друг с другом лишь общими свидетелями и участниками их — тройкой релитических негров, продающих орехи в различных районах Рио-де-Жанейро. Зритель знакомится с семьей чиновника, расцветающего посредством красавицы-дочери снискает благорасположение депутата, с обычными воскресными развлечениями бразильских негров, с нравами местного спорта и грустной историей двух влюбленных. Эти знакомства мимолетны, но в совокупности своей они создают kaleidoscope жизни города, которому Перейра дос Сантос посвящает и следующие свои произведения. Они будут называться «Рио северная зона» и «Рио южная зона».

В тот же вечер, во вторник, состоялся демонстрация китайского фильма «Речная фея». Подобно польскому фильму «Варшавская сирена», с которым уже познакомились участники фестиваля и сценарием для которого послужило предание об основательнице Варшавы, кинофильм «Речная фея» создан по мотивам древней китайской легенды. Обращение к фольклору, его своеобразная интерпретация выделяет это произведение из ряда других картин, представленных на фестивале.

Беседа с Ф. Харди

Немало радостных открытий сделано на фестивале в Карловых Варах. Таким открытием был австралийский фильм «Три рассказа», представляющий собой тристралийский писателя и поощряющий жизнь трудового люда. После демонстрации кинофильма беседа с известным австралийским писателем Фрэнком Харди, творчество которого хорошо знакомо и советским читателям, и попросил его сказать несколько слов о современной австралийской кинематографии. Основное направление австралийского кино — реализм. Лучшим доказательством тому служат фильмы, который был здесь показан. Правда, у меня есть и другие основания высоко оценить этот фильм, — шутливо заметил Ф. Харди. — Я автор одного из рассказов, положенного в основу сценария. Надо сказать, что наша кинематография переживает большие трудности, многие авторы и режиссеры не в состоянии найти работу в стране. Фильмов от Австралии создано мало. И хотя в последнее время ряд американских и английских кинокомпаний выпустил картины, посвященные Австралии наших дней, но, думается, в них дан искаженный образ моей страны. Поэтому столь велико для нас значение фильма «Три рассказа». Сейчас у нас есть режиссеры, которые могут делать и делать хорошие кинокартины. Одна из последних удач австралийского кино — фильм «Езда», в котором рассказана трагедия двух людей разного типа кожи, в которых друг друга. Герои кончают самоубийством. При всех достоинствах этого фильма нельзя увидеть его реалистической направленности. Таковы наши пока скромные успехи.

...Фестиваль близится к концу, недалек день, когда жюри огласит итоги конкурса.

Ю. ГАВРИЛОВ

Стихи Ш. Петефи на азербайджанском языке

БАКУ. (Наш корр.). Еще на одном языке заучивали стихи Шандора Петефи, они впервые вышли в Баку на азербайджанском языке. В сборник, выпущенный Детиздатом, вошли сорок стихотворений, переведенных поэтом Зейналом Халилом.

Книга открывается портретом Ш. Петефи и краткой биографической справкой.

А. КИЯНИЦА

АЛМА-АТА

Большие торги в Троицке

Анатолий АГРАНОВСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЕЗДЯТ по стране беспокойные люди. Обычно их именуют очень скучным словом: командировочные. Они тасуют сутками на верхних полках поездов и в вагоны поезда оставляют котлеты под ресторанными копиями перовских «Хотников» и неизбежных мисек Шпинкина, а потом осаждают приемные многослесенных «обла» и «рай» планов, отделов, управлений. Вечер они заканчивают в гостинице, в самом тесном номере пятого этажа, где уже влитые еще двенадцать таких же скатальцев. Их посылает туда потому, что весь третий этаж занят театром, прибывшим на гастроли, люксы бельэтажа второй день берутся для шведских туристов, а четвертый этаж сотрется болным топом физкультурников — в области олимпиады. Впрочем, наш командировочный и тому будет рад: говорили, завтра открывается слет десорубов — тогда бы и вовсе беда! По-скрипящему тогда кровать, жестко голову, потому что под подушкой — порфилак, туго набитый пламам, схемами, табличками.

Эти люди быстро узнают друг друга. Сидят за шахматами в скором Москва—Челябинск.

— Так вы, значит, в Троицке? Был... Так себе гордились. С войной там плохо.

— А что? Простите, шах.

— Ну, это пустяки: мы конем закроемся. Я там занимался водоснабжением для дизельного завода. Все бы ничего, но когда рядом обосновались еще пять заводов...

— Какже пять заводов? Нам в Госплане ничего не сказали.

— Не знаю, не знаю... Только они при мне площадку выбрали.

— Черт знает что! Мы ведь тоже туда три завода ведем.

— Не знаю, не знаю... Простите, мат.

Михаил Яковлевич Гордон, главный инженер проекта Троицкого централита*, возвращается в наше купе, полный новых замыслов.

— Ярослав, — говорит он своему спутнику, — давай-ка посмотрим, какие у нас намечены площадки?

И конечно, Ярослав Васильевич Лавров тут же достает планы и карты; будут теперь раскладывать их на чемоданах, спорить, прикидывать так и этак. С жильем теперь, пожалуй, и не разместишься... Безобразно, всю землю успели парсакать!

Ездят по стране беспокойные люди. В своих потерях портфелей они везут будущее городов и весей советской земли.

Наш поезд приближался к Троицку.

Ну, что ж, город был как город — одноэтажный, пыльный. С утра, в первый день по приезде, мы отправлялись бродить по улицам. Времени от времени Ярослав Васильевич щелкал своим «факом».

В поле зрения объектива попадали приемные дома, дубовые ворота, железные ставни, пудовые замки. Дамыла дружатая баня. У винного магазина стояла очередь, человек пятьдесят; люди недовольны: разве это порядок — на весь Троицк шесть десятитонников Гейне? От города летел, смешиваясь с пылью, тополиный пух. На стадионе был большой футбольный клуб: встречались команды ветгистинута и техникума. Счет уже 7:0 в пользу техников. Больничник в сметении, громче всех вопиолились студенты из Юрени — они любят свой институт. По городу висела афиша: «Юрени русской песни и пляски. Юмор и юморизмы — Николай Шпинкин».

Лавров все исправно фотографировал.

Если вы хотите строить в городе завод, извольте знать город — хозяйство его, культуру, быт, историю. Мы узнавали историю. Здесь на стенах домов нет, нет да и проглянут из-под свежей побелки буквы, навечно впечатанные кириллом: «Торговля Юшова» — богатейший был купец. Здесь имеется Дом культуры — в бывшем купеческом собрании. Есть кинотеатр — в бывшем торговом доме. Есть даже небольшой завод — в бывшем пассаже... Когда-то стоял Троицк на перекрестке торговых путей: с севера — Урал, с юга — Казакстан, на запад — Европа, на восток — Азия. Потом переместился эти пути — к заводам, рудникам, шахтам, и затих Троицк. И городской музей, увы, ничем не может похвастать выдающимися по части строений. «Мост через реку Увельку, выстроенный в годы пятилетки», «Знание горняки, построенное в годы пятилетки», «Детские пятилетки — Троицкий жиркомбинат» — вот, собственно, и все.

Город был как город — типичный маленький город, обобщенный большой индустрией страны. А вокруг все строилось. Рос Челябинск, Магнитка стала Магниткой, в соседнем Миассе поднялся автозавод, в пятидесяти километрах от Троицка встала Южно-Уральская ГРЭС. Еще недавно все районное начальство садилось в воскресный день на машины и — айда охотиться в Казакстан, благо до него всего шесть верст от города. Теперь не поохотишься: в шести верстах поднялся целина!

В шестой пятилетке пришел черед Троицку проснуться.

— Я ПОКУДА не вижу приемлемых предложений с вашей стороны, — осторожно говорит Гордон. — Мы ведь привезли в вас серьезные предприятия: централит и еще два завода не меньшего значения. А что мы видим? Тут у нас лес, там града ветров мешают, там рельеф — порт нуль сломит...

И тот у него при этом такой, будто это городские руководители виноваты, что рельеф плох, что лес стоит испокон веков, что ветры дуют на город. А те оправдываются, предлагают: не ивняксы, берите участок за речкой. Где корробок лежит.

Гордон отодвигает спички. Смотрит на карту. Морщится.

— Это для нас. Места мало. Нам ведь еще поселок нужен при заводах.

— Город застраивайте.

— Со своим? Нет уж, спасибо. Нам пять тысяч человек на смену воять.

— А вы трамвай постройте.

— Ну, знаете, это нам ни к чему! Главный инженер проекта ведет себя, как опытный покупатель. Только вошел в исполком, сразу появились в голосе незнакомые еще мне протражно-ленские нотки, и отяжелел расклатенный вид, и легкая рассеянность. Рассклатен, он в этих площадках не заинтересован. Что? Да нет. И товар ему не очень нравится, и на базар он не собирается заходить, и вообще, зачем ему, скажите на милость, такое барахло?

О создании проекта этого крупного специализированного литейного завода см. очерк «Репортаж из будущего» («Литературная газета», № 74, от 23 июня 1956 г.).

Председатель горисполкома Павел Семенович Маркин, напротив, — продавец опытный. Любит он свой город, и уж больно ему охота заполучить такого дорогого оптовика — шутка ли, три завода сразу! Он надеется. Да вы что? Да где вы найдете такой товар? Он уж готов и цену снизить (бог с ним, с трамваем), и уступить (пусть уж строят все жилье у заводов), и, пожалуй, прощелкал бы, если б не третий участник этой торговой баталии.

Михаил Николаевич Дудин — тоже строитель опытный. В Ташкенте был главным архитектором, Магнитгорск строил в той же должности, сейчас — начальник областного отдела по делам строительства и архитектуры. Он как бы человек объективный: шел мимо, слышит — спор, остановился — в чем дело? Эге, браток, они тебя отбьют. Такой товар, да за такую цену — не уступай. Что? Уйдут из города? Скатертью дорога! Тут только свистни, сколько купцов набегит.

А вокруг трюк толпа. Горархитектор, горземлеустроитель, горкомхоз, санни-спектор. Те шумят, волнуются. Особенно горкомхоз Иванова. Что же это получается? А вы задарма хотели? Кавказизация им подай, водопровод готовый подай. Это у вас, товарищи, не государственный подход. Это у вас жениковский подход. Что? Жена была с коровой, с домом. А лет коровы — уеду из Троицка, в Златоусте буду жениться!

— Ну, ладно, ладно. Поехали лучше посмотреть площадки, — прерывает Маркин.

...И вот он, торжественный момент. Разбрызгивая лужи, машины останавливаются посреди ровного поля. Небо все обложено серыми тучами, моросит дождь. Вдали, у железной дороги, — строящийся аэровокзал. Рыжий телек бродит по полю. А степь ровная, ровная.

— Ну, — торжествует Маркин, — что скажете?

— С точки зрения рельефа, пожалуй, приемлемо, — говорит Гордон.

— Да что там? Ровный стол. Во-о-он, где телек, и сажайте свой централит. Как?

— С точки зрения рельефа, пожалуй, приемлемо, — говорит Гордон, а глаза его тем временем цепко обшаривают степной простор. — Меня другое беспокоит, — тем же тоном говорит он: — каквы здесь грунты? Есть у нас данные, Ярослав?

Маркин указывает на аэровокзал: — Такую бы машину не стали строить, если плохи. Ну, так как?

— С точки зрения рельефа, пожалуй, приемлемо...

Дудин улыбается: он уже понал эту игру. Люди расходятся по машинам. Машины разворачиваются и, лишний раз подчеркивая, что степь ровная, дуют прямоком по траве. А я сижу рядом с Маркиным и думаю: «Неужели сейчас вот все и произошло? Здесь будет город заложен...»

— Эх! Нам бы только их здесь посадить, — заговорничать подмигивает мне Маркин. — А уж там мы на них садим!

ТРОИЦК жил в эти дни как бы двойную жизнь. Одна текла поверху — тихая, неторопливая, словно речушка Увелька, распрямленная ильским зномом. В этой жизни попржему скрипели на улицах возки, женщины с ведрами собирались у водораборных колонок и едва ли не самым выдающимся событием был пуск на горкомбинате нового автомата, выпускающего ириски «Золотой ключик». Но где-то снизу, под всей этой тишь да гладью, уже бурлили, бились роднички, и хоть не способны они были еще ни на юту змеинит, те течения троицкой жизни, в будущем им, этим родничкам, суждено было разлиться в могучий поток.

Все новые люди втягивались в эту бурную, скрытую до поры жизни. Путьеици, энергетика, связи, архитекторы, строители, врачи. Это был, по существу, один большой спор заводов с городом. Кто тут был прав?

Можно было понять позицию города. С его бюджетом в 22 миллиона рублей, из которых 18 миллионов уходило на здравоохранение и народное образование, город был бесслеп. А рядом с такими заводами он не мог, права не имел оставаться захолустьем. И город «садился» на станкостроителей, прося, настаивая, требовал.

Вечером в гостинице я спросил у инженеров, почему они так жмутся. Ведь город просит только о том, чего ему действительно не хватает. Посмотрите, как здесь люди живут! Лица инженеров стали суровы, когда они объясняли мне свою позицию. Да, они все видят. Многого есть у нас не хватает. Сахару порой не хватает, масла, мяса. И если в это самое время государство считает нужным почти полимиллиарда рублей дать на строительство трех заводов в городе Троицке, значит, они нужны, эти заводы. Вот мы и приехали их строить. Централит строить, а не Троицк укрывать!

Обе стороны были по-своему правы. Сообразились люди большого опыта, они хотели все сделать как можно лучше, только каждый видел это «лучше» своими глазами. И весь смысл троицкого «срга» был в поисках разумного решения, которое удовлетворяло бы и тех и других.

Десять дней продолжалась эта борьба. К исходу десятого дня все было утрясено. Город отказался от трамвая — заводы согласились проложить улочную магистраль: по ней будут ходить автобусы. Город уже не требовал нового кинотеатра — заводы приняли на себя строительство школы-интерната. А достояние архитекторы все продолжали записывать — клуб, детские сады, больницу, поликлинику, баню, магазины, ателье, парикмахерские, гаражи для личных машин...

Броколиды вы, — притворно вздыхал Гордон, — по миру нас хотите пустить.

— Вас, такти, пусть, как же! — сказал в ответ Дудин.

Посмеялись. А прощание было дружеским, и рукопожатие — крепким, и взгляды открытые — друг другу в глаза.

МЕЛЬНУЛИ за окном вагона одноэтажные домишки, сиротливо потонули в степи, и Троицк стал воспоминанием, кружком на карте. Со всеми его тру-

ностями, радостями, мечтами он все дальше уходил от нас, и странное дело, все чаще приходила мне в голову мысль: а все ли там правильно решено?

Вспомнился случай, бывший в Разани. Осели там, как в Троицке, три станкостроительных завода — один, потом другой, потом третий. Электроэнергия они получали, но ради тепла, ради горячей воды им понадобилась ТЭЦ. Тем временем в тридцати километрах другое ведомство начало строить нефтеперерабатывающий завод. И там пришлось строить вторую ТЭЦ, куда большей мощности, хотя в данном случае горячая вода была как бы «отходом производства». Будь этот завод ближе к тем трем, — станкостроителям ТЭЦ была бы не нужна. Стоит она десятка миллионов — вот она, цена ведомственной небрежности в планировании. А ведь тоже, небось, торговались с рязанцами за каждую копейку, экономяли на школах и детсадах.

Все ли верно решено в Троицке? Строится в нем девять предприятий пяти разных министерств. Так же назвала «бушцы», так же присматривали себе земельку поудобнее и так же торговались с ними город, хозяин земли, с каждого требовал клуб, больницу, школу... А может быть, лучше было построить не девять маленьких клубиков, а два или три, но настоящих Дворца культуры? Может, вместо девяти больничек сделать за те же деньги одну, но большую, по последнему слову медицинской науки и техники? Всем заводам и всем их поселкам понадобятся теплофикация. Как строить: каждому ведомству свою котельную или одну общую ТЭЦ? Тут не предложешь с ходу решения, но если одно: все эти вопросы надо решать. И защищать при этом не позицию города, и не позицию министерства, и не точку зрения лутейцев, энергетиков, связистов, а единственно верную — государственную точку зрения. Но кто займется таким межведомственным планированием?

Горпан! Да, имеется в Троицке такое учреждение. Это — один человек, Вячеслав Владимирович Грин. Усталый, заматный, занятый составлением каких-то бесчисленных сводок, он, едва ли не единственный во всем горсовете, не принимал в споре с инженерами никакого участия.

Облапан? Беседовал я в Челябинске с Борисом Петровичем Хорошавиным, председателем областной плановой комиссии.

— Союзные заводы? — спросил он.

— Да, союзного подчинения.

— Видите ли, мы занимаемся только промышленностью в разрезе областного подчинения.

Я спросил, какую долю занимает областная промышленность в масштабе всей промышленности Челябинской области. Принесли бумаги, считали. Оказалось: 0,07 процента. Облапан занимается могучей индустрией области лишь на семь сотых процента. О чем тут было говорить?

— Вышка у нас выжвато, — сказал, прощаясь, Хорошавин. — Москва виднее...

Увы, с всевозможной вышкой Троицк виден был еще хуже. Побывал я, вернувшись в Москву, и в Госплане РСФСР и в Госплане Союза. Отсюда видна была вся страна — с железными дорогами, рудниками и шахтами, с огромными запасами полезных ископаемых, с сотнями, тысячами заводов, с хлебом, хлопком... И Троицк, маленький кружочек на карте, как-то вдруг затерялся, растаял, исчез.

— Госплан все города Союза посмотреть не может, — объяснил мне Александр Николаевич Сперанский, начальник сектора отдела размещения производительных сил. — Только крупные экономические районы — Урал, Сибирь, Среднюю Азию...

— Ну, а Троицк?

— Троицк? ...Вряд ли он к нам попадет.

К счастью, я имею возможность нарушить строгий ход этого несвоего повествования. Недавно в Челябинской области работала объединенная комиссия Госплана СССР и Госкомхоза СССР. Обнаружено было, что на многих заводах строятся мелкие литейные цеха мощностью от тысячи до пяти тысяч тонн в год. В том числе и на Троицком заводе, хотя Директивами XX съезда прямо запрещено строительство таких цехов в районе действия мощных централитов. Так вскрыта была ведомственная чересполосица еще в одном важном государственном деле. Не теплофикацией, водопроводом, клубами и больницами города Троицка комиссия не занималась, и не должна была заниматься, да и не могла — она пробывала в Троицке четыре часа.

Так кто же займется по-настоящему этим маленьким городком, который собирается стать большим? Я вновь вспоминаю в этой поездке, и вижу: есть у них сила, чтобы решать свой завтрашний день. С каждой вышкой — свой грузовой. Из Москвы видна вся страна, но, когда с этой вышки пытались предисказать сроки сева сибирским и кубанским колхозам, из этого, как известно, ничего путного не получалось. Из Москвы видно, куда направлять развитие ведущих отраслей промышленности, но где, в каком месте размещать в области тот или иной завод, — Челябинску виднее. Надо только, чтобы Облапан цепко следил за всеми предприятиями и координировал их планирование, коль скоро они садятся на его территории. И надо расширить права областных плановых комиссий, укрепить их, усилить их роль.

...При мне в Троицк приехали строители. Были уже вызваны геодезисты из Москвы, геологи из Харькова — на площадке закипела работа. Строители выбирали место для своей базы. Говорили они с проектировщиками примерно так:

— Какой у вас объект работ? Сроки? Так, понятно. Будем ставить здесь завод сборного железобетона и ячеистого бетона, и асфальтовый завод... Пусть ваш министр договаривается с нашим министром. И учтите: сейчас самое время. Едут к нам девять тысяч комсомольцев-добровольцев. Опробуйте! С этой бы оеши и закурили...

Я убежден в том, что в основном все в Троицке правильно решено. Но надо, чтобы правильно все было решено и в частности. Когда идут преобразования такого масштаба, надо исключать возможность ошибки даже в самой малой детали — речь ведь идет о миллионах. Сейчас как раз такой момент, когда можно еще поймать любую неточность. Троицкий централит существует пока что только на бумаге. Завтра он станет металлом и камнем.

Свежий ветер... Фотограф Ю. Каплуна

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Дело это необходимое

В наше время марксистско-ленинская эстетика развивается не только в Советском Союзе, но и разрабатывается усилиями ученых многих стран. В странах народной демократии выхолят многочисленные труды по вопросам теории искусства, представляющие большой интерес для советского читателя, как, например, работы Г. Лукача и Т. Павлова.

В Англии, Франции, Италии и других капиталистических странах выросло немало эстетиков, стремящихся к марксистским позициям осмыслить процессы развития искусства. Необходимо наладить более широкое ознакомление советского читателя со всеми работами по вопросам эстетики, выпускаемыми зарубежными теоретиками, которые с марксистских позиций подходят к вопросам искусства.

Возможность и форм такого рода культурного сотрудничества очень много: перевод и публикация книг и статей по эстетике, публикация наиболее интересных статей и глав из книг в тольких журналах, и в первую очередь в журнале «Иностранная литература», создание обзоров, излагающих и критикующих работы по теории искусства, публикация библиографии по эстетике.

С некоторыми работами зарубежных эстетиков советские читатели уже знакомы. С живым интересом у нас была встречена книга А. Лефера «Введение в эстетику». Однако широкому читателю остались неизвестными многие и многие ценные труды зарубежных исследователей-марксистов. Издание их — дело необходимое, важное; нужно, чтобы им заинтересовались как наши читатели, так и журналы.

Наряду с этим следует иметь в виду, что за рубежом выходит в очень большом количестве и немарксистская эстетическая литература, в существе которой также нужно серьезно разобраться. Среди этих книг есть и работы, содержащие некоторые позитивные наблюдения, рациональные зерна, есть и проповедующие махрово-реакционные буржуазные теории, стремящиеся увести искусство от его действительных задач и его высокого назначения. Было бы неверно закрывать глаза на существование такого рода литературы. Хорошие, квалифицированные обзоры могли бы при этом быть весьма полезными. Нам надо бы осознать о всей этой литературе, критически осудить ее, давая должный отпор новейшим реакционным эстетическим теориям, подерживая все лучшее, прогрессивное. Возможны и нужны как обзоры по проблемам, освещающие состояние развития тех или иных узловых вопросов в современной зарубежной эстетике, так и обзоры по странам, раскрывающие основные направления эстетической мысли в той или иной стране.

Таким образом, наши читатели, редакция журналов в большом долгу перед читателем. Пора начать оплачивать этот долг.

Ю. БОРЕВ, кандидат философских наук, В. ВАНСЛОВ, кандидат искусствоведения, П. ПОЛИВЕВСКИЙ, аспирант Института мировой литературы имени Горького

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПОБОРНИКИ ШТУРМОВЩИНЫ ТЕРПЯТ КРАХ»

Под таким заголовком 15 мая 1956 года в «Литературной газете» были опубликованы материалы о прерывной работе шахт.

Заместитель министра угольной промышленности СССР Л. Графов сообщил редакции, что коллегия министерства признала необходимым широко распространить этот репортаж по всем угольным бассейнам. На прерывную рабочую неделю переведены все новые шахты. В течение шестой пятилетки предельно перевести на прерывную работу всю угольную промышленность, за исключением лишь тех шахт, где перевод на такой режим работы требует значительной их реконструкции.

В настоящее время на режиме прерывной недели работают 189 шахт и разрезов.

«ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»

Так назывался фельетон, опубликованный в «Литературной газете» 19 мая с. г. Речь шла о двадцатилетней юности с. г. Вспомнил в больничную практику коллега по современной хирургической шини Шулутко-Ципоркина для лечения переломов.

Редакция получила ответ тов. А. Игошина, начальника Главвентиляторного Министерства здравоохранения СССР. «В феврале с. г.», — сообщает тов. Игошин, — я снова возвращаюсь к вопросу о внесении изменений в функциональные обязанности в настоящее время Киевский промышленный завод заканчивает переработку шин и в ближайшие 10—15 дней направит ее на повторные испытания, после которых будет решен вопрос о серийном выпуске шин этой конструкции».

Киевский корреспондент «Литературной газеты» побывал на протезном заводе. На днях шинна будет послана во Всесоюзный научно-исследовательский институт медицинского инструментария и оборудования — «Я окончательного утверждения». Что же, хочется верить, что на этом и будет полнотой конец двадцатилетней истории мастера «нового» изобретения и оно, наконец, добдет до тех, для кого и было предназначено.

„Догадайся, мол, сама!..“

В издательство поступила тоненькая рукопись начинающего автора тов. Самочеткина. Редатор нашел, что в рассказе «что-то брезжит» и что его вполне можно назвать «милым». И в самом деле, это была неприятная история о том, как мальчик Кока потерял на бульваре варежку...

Однако, чтобы этот «милый» рассказ можно было включить в сборник, его решили послать на внутреннюю рецензию. Послали известному детскому писателю тов. Маситову-Неопредлескому. Вскоре он прислал рецензию, написанную в свободной и задушевной манере обращения к начинающему автору.

При всей при том...

Мой юный друг! Ваш рассказ для детей неполного среднего возраста «Рукавичка-варежка» мы с женой читали после обеда вслух. Рукопись ваша напомнила нам дни молодости, когда и я тоже еще писал рассказы и повести, а точнее сказать, — свою широко известную повесть «Мел и тряпка», над семнадцатим переработкой которой я сейчас упорно работаю. Таков уж закон природы: ребенка, когда он единственный, сильное балуют, а повесть, когда она единственная, чаще переделают.

Все тогда, в молодости, было хорошо. И только одно, помнится, омрачало наше существование: это — внутренние рецензии! Рецензии эти всегда были написаны по порочному методу — «с одной стороны» и «с другой стороны». Перебегая с одной стороны на другую сторону в непопулярных местах, критики нарушали правила движения критической мысли (видите, как смею я леплю образы!) и полностью дезориентировали меня как начинающего (в то время) писателя. Помня об этом, я напишу свой отзыв о вашем рассказе предельно коротко и кристально ясно.

Сначала — о теме. Тут вы явный воятер. Своим отбойным писательским молотком вы разрабатываете новые для детской литературы пласты жизни.

До сих пор действие наших рассказов и повестей протекало в классе или в пионерском отряде: дома или во дворе. Вы смелы, перешили своих юных героев на бульвар. Это — ново, это — хорошо. И более того — это отлично! Но, как воскликнул в один голос Роберт Бернс и Самуил Маршак, — «при всем при том, при всем при том...». Да, при всем при том как же прикажете назвать тему вашего произведения? Бульварная тема? Иначе не называть. А правая ли она, и более того, правомочна ли такая тема в детской литературе? Тут, безусловно, нужна консультация Дома детской книги.

Так же коротко и ясно — о сюжете! Ваш герой, мальчик Кока, терпит на бульваре варежку. Это — хорошо, это — типично. И более того — это отлично! Вы как бы сталкиваете лбами в остром конфликте родителей, которые своим самолюбием грудами доводят до пика варежки, и сына, мальчик которого среднего возраста, который не ценит труда взрослых и находит возможным потерять эту варежку. Извечная тема отцов и детей!

Но при всем при том мы знаем, что многие матери принимают варежки и ленточки или тесемки и пропуская эти тесемки через рукава пальто. Мальчик Кока не сделала этого. Она, следовательно, не воспользовалась новейшими достижениями педагогической мысли в этом вопросе. Значит, она — отсталый человек. Значит, она — не воятер. Значит, она и у себя в цехе может многое упустить. Значит, она не является вдохновляющим примером для своего единственного сына. Значит, в повести нет конфликта между положительным и отрицательным, а есть конфликт между отрицательным и отрицательным. А может ли вообще быть такой конфликт?

Советую вам поступать в Институт мировой литературы: там должен быть специальный отдел конфликтов и борьбы с бесконфликтностью.

Теперь так же стремительно — о языке! Стой рассказ вы назвали «Рукавичка-варежка». Тут одним махом блестяще дана тема связи города и деревни, ибо рукавичка, как известно, типична для крестьянских детей, а варежка, наоборот, — для городских. Вы, таким образом, умеете пользоваться всем богатством и разнообразием «великого, могучего... русского языка». (Мой учитель — И. С. Тургенев. Том и страничку найдите сами.)

Но при всем при том характерны ли вообще для сегодняшнего дня варежки и тем более — рукавички? Я беседовал с многими детьми наших известных писателей, и оказалось, что никто из них варежки не носит, а все носят кожаные перчатки. Вот одна проверка на образном словесном архаизме в вашем и полностью речу наших детей? Тут уж никак не обойтись без серьезных консультаций Комиссии по детской литературе. Да и с академиком Виноградовым неплохо бы посоветоваться!

И наконец — резюме (то есть, как говорится в просторечье, — вывод). Ваш рассказ, разумеется, можно издать. Это было бы хорошо. И, более того, для вас

это было бы отлично! Но при всем при том советую вам вспомнить, сколько рукописей разрывали на мелкие клочки и даже, более того, сжигали наши приятели — классики! Тут нужны дополнительные рецензии. Я, по крайней мере, не буду называть издательству своих рецензов. Пусть мыслят творчески и самостоятельно!

Крепко сжимаю руку!

Ваш Маситов.

P. S. Моя жена, прочитав перед своим эту рецензию, прослезилась. Вот, говорят, если бы в твои годы, Котельня, начинающим авторам посылала такие рецензии, ты бы уже давно был членом правления Литфонда.

Начинающий автор, младший редактор, просто редактор, старший редактор и даже главный редактор издательства долго анализировали рецензию, послали ее на экспертизу в Дом детской книги, но так и не смогли понять, понравился тов. Маситову-Неопредлескому рассказ или не понравился. По-настоящему по телефону самому маситову автору, перешили развешивать его точку зрения, но он в ответ лишь промурлыкал свою любимую песенку: «Догадайся, мол, сама!..»

Ну, что ж, пришлось послать рукопись на рецензию другому известному писателю — тов. Категоричному, известному прямой и нелицеприятно своим оценкам. На следующий день утром его рецензия уже лежала на столе у главного редактора. Вот она.

Решительно и бесповоротно!

Рассказ прочитал. Решительно и бесповоротно заявляю, что в настоящем своем обличии он никому не годится. Сюжет надо заострить, познавательный элемент углубить, воспитательное воздействие усилить. Естественный вопрос: как это сделать? Мой убежденный ответ: очень просто! Стоит лишь быстро и талантливо внести поправки согласно моим указаниям.

Первое. Изменить название! Рассказ называется «Рукавичка-варежка», а я предлагаю «Без рукавички». И не «Без варежки» и не «Без рукавички», а «Без варежки». Этого заголовка ясен, четок, конфликтен. Он решительно заявляет о смелости человека, пренебрегающего буйством стихий и, в частности, мороза.

Второе. Переделить характеры героев! Мальчик Кока в целях закалки своего юного организма должен вообще отказываться носить варежки, и, таким образом, он явится носителем положительного начала. Мать, неразумно волнуясь о кожном здоровье, пытается заставить его носить варежки и является, таким образом, носителем отрицательного начала. Хватит шаблонов в детской литературе: пусть ребенок, растущее существо, берет верх над представителем старого, отживающего мира — взрослым! Свежо, смело, оригинально!

Третье. Расформировать старый сюжет и энергично сформировать новый! Мальчик Кока вопреки пагубно обожавшей его матери идет гулять без рукавичек. Наш маленький спартаец слегка отмираживает себе палец. Он пытается захватить. Но пионервожатый напоминает ему бессмертные стихи Пушкина: Шалун уж отморозил пальчик: Ему и больно и

Х ОД океанских волн хорошо изучен. Много темнее пути поэзии, ее подтемы и спады, приливы и отливы.

Вспомним первое десятилетие после Октябрьской революции. Тогда раскрылись такие большие и непохожие друг на друга поэты, как Маяковский, Есенин, Пастернак, Асеев; по-новому звучали голоса Александра Блока, Ахматовой, Цветаевой; входили в поэзию Багрицкий, Тихонов, Маршак, Сельвинский. Вспомним годы войны, короткий, но яркий порыв сложившихся поэтов, появившиеся молодых и среди них поэтов непосредственного, душевно громкого, как Семен Гудзенко. Мне кажется, что теперь мы присутствуем при новом подъеме поэзии. Об этом говорят и произведения хорошо всем известных поэтов — Твардовского, Заболоцкого, Смядиновича, и выход в свет книги Мартынова, и пьеса молодых, среди которых видное место занимает Борис Слуцкий.

Конечно, ничто не приходит сразу, и сегодняшние радости читателей подготовлены годами, которые для многих поэтов были годами испытаний. Мне приходилось слышать от некоторых читателей восхищенные и удивленные восклицания: «Молодые очень талантливы — посмотрите книгу Леонида Мартынова». Они не подозревали, что еще накануне войны нас потрясли поэмы этого замечательного поэта. Если стихов Мартынова долго не печатали, то это не относится к его поэтической биографии: он продолжал писать, и я был счастлив, когда он читал мне свои стихи. Появление его сборника после длительного перерыва совпало с празднованием пятидесятилетия поэта.

Борис Слуцкий не юноша, хотя он много моложе Мартынова. В 1945 году молодой офицер показал мне свои записки военных лет. Я с увлечением читал такую и своеобразную прозу неизвестного мне тогда Бориса Слуцкого. Меня поразили некоторые стихи, вставленные в текст, как образцы анонимного солдатского творчества. Одно из них — стихи о Кельнской яме, где фашисты умерщвляли пленных, — я привел в моем романе «Буря»; только много позднее я узнал, что эти стихи написаны самим Слуцким.

В печати имя Слуцкого стало появляться недавно — с 1953 года. Его стихи привлекли к себе внимание читателей, и мне захотелось о них написать. Наши критики не отличались торопливостью. Прежде они ждали присуждения премии; теперь косятся друг на друга — кто первый осмелится похвалить или обругать. Критические статьи или заметки, по-моему, должны опережать те поздравления в дерзких папках, которые подносят седовласым юбилярам. О различных критических статьях, о второпазных пьесах, о романах на случай были написаны сотни печатных листов. Но что было написано о поэтах, которыми мы вправе гордиться? Мне давно не попадались статьи о Светлове, о Заболоцком, о недавнем времени все говорили и никто не писал о Мартынове, мало еще сказано о Шпилеве, Смядиновиче.

Что меня привлекает в стихах Слуцкого? Органичность, жизненность, связь с мыслями и с чувствами народа. Он знает слогарь, интонации своих современников. Он умеет осознать то, что другие только смутно предчувствуют. Он сложен и в то же время прост, непосредствен. Именно поэтому я принял его военные стихи за творчество неизвестного солдата. Он не боится ни прозаизмов, ни грубости, ни чередования пафоса и иронии, ни резких перебивов ритма, — порой язык загибается. Вот отрывок из «Кельнской ямы», о которой я упоминал:

«Товарищ боец, останься над нами. Над нами, над нами, над белыми костями. Мы было семьдесят тысяч пленных. Мы пали за Родину в Кельнской яме. Когда в подполье вербовать нас хотели, Когда нам о хлебе кричали с оврага, Когда патроны о женщинах пели, Партизаны шептали: «Ни шагу, ни шагу!» Чапайка надвигалась над нашей могилкой! Да будем достойны посмертной славы! А если кто больше терпеть не сможет, — Парток разрешает самоубийство слабым».

О, вы, кто наши души живые Хотели купить за похлебку с кашей, Смотрите, как, мисо с ладоней вывес, Кочнать жизнь товарищи наши. Землю роем котгами-ногтями, Зверем воем в Кельнской яме, Но всё остается — как было, как было — Каша с вами, а души с нами.

Неужелость приведенных строк, которая потребовала большого мастерства, позволила поэтично передать то страшное, что было бы оскорбительным, кощунственным, изложенное в гладком стихе аккуратно литературными словами.

До войны Слуцкий вместе с покойным Кульчицким, на которого мы все возлагали большие надежды, с Лукониним и Наровчатовым учился в Московском литературном институте. Но потом его сделала война: война была его школой, и о чем бы он ни писал, — будь то стихи о базе, о поэзии Мартынова, о доме отдыха или о московском вокзале, — в каждом его слове — память о военных годах. Все знают, что с войны многие возвращаются инвалидами, контуженными, неполноценными, но именно на войне люди духовно вырастают, внешняя грубость обычно прикрывает обостренную чувствительность: сердце не может стать бронированным. Слуцкий пишет:

Вниз головой по гулкой мостовой Вслед за собой волна меня влечала И вынула лишь себе самой, А было ничему не научила. И плак, в моих улах расчленена Лишь жалкое — война и тишина — На эти две — вся гамма мирового. Полудноны я не воспринимаю. Мир многозвучный.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

О стихах Бориса Слуцкого

Встань же предо мной Всей музыкой своей неизмерной! Заведомо неполо и неверно Пою тебя войной и тишиной.

Разумеется, Слуцкий видит жизнь «неполной», но разве бывают поэты, воспринимавшие всё и всех? Вряд ли. Как бы ни был высок и мудр поэт, у него есть и потолок и стены. Мир Слуцкого отнюдь не узок, и меньше всего можно назвать его поэзию камерной. Мне она представляется народной, но, конечно, нужно прежде всего договориться о значении этого слова. Народными чертами в поэзии иним кажутся внешние и порой поддельные приметы. Если в стихах гармошка, молодцы, старинный песенный склад и прилагательное после существительного, — такие стихи причисляются к народным, хотя даже в глухой деревне можно теперь услышать радио и патефон и хотя тем языком, который вернется тому или иному поэту, никто вокруг него не разговаривает. Называя поэзию Слуцкого народной, я хочу сказать, что его вдохновляет жизнь народа — его подвиги и горе, его тяжелый труд и надежды, его смертельная усталость и непобедимая сила жизни:

А я не отвернулся от народа, С которым вместе голодал и стыл. Ругал похлебку, обсуждал природу, Хвалил далекий, словно звезды, тыл. Когда годами делишь котелок И вытираешь, а не моешь ложку, — Не помнишь про обиды. Я бы мог. А вот не вспомню. Разве так, немощно. Не льстить ему. Не позвать перед ним. Я — часть его. Он больше, а не выше.

Конечно, стих Слуцкого помещен нашим временем — после Блока, после Маяковского, но если бы меня спросили, чью музу вспоминаешь, читая стихи Слуцкого, я бы, не колеблясь, ответил — музу Некрасова. Я не хочу, конечно, сравнивать молодого поэта с одним из самых замечательных поэтов России. Да и внешне нет никакого сходства. Но после стихов Блока я, кажется, редко встречал столь отчетливое продолжение гражданской поэзии Некрасова.

Вот о военных связистках: Я встречал их немало, девчонок! Я им волосы гладил. У хозяйственников ожесточенных Добывал им отрезки на платки. Не за это, а так отчего-то. Мне девочки шептали без счета Свои тихие, белые тайны. Я слышал их немало, секретов, Что слезами полны. Мне шептали про то и про это, Про большие обиды.

О военных вдовах: Пыلتся платные бордовые — Ей обновки подвешивая. Ах, долна баба, дело вдвое — Бескрайнее и бесконечное!

Она войну такую выиграла! Поставила колхозы на ноги! Но, как трава на солнце, выгорело То счастье, что не встанет заново.

Вот гармонисты гомон подняли, И на скрипучих досках лобок. Танцуют эти вдовы. По двое. Что, глупо, скажете? Не глупо!

Их пары птицами взвиваются, Сияют утреннею зорькою. И только сердце разрывается От этого веселья горького.

О бане: Вы не были в районной бане В периферийном городке? Там шапка с профилем кабаньям И плеск как летом на реке... Там одена сладот вахтарам, Зато принят в мыльный зал Рубцы и шорты — те, которым Я лично больше б доверял.

Особенность гражданской поэзии Слуцкого в том, что она глубоко личная. У нас часто под видом гражданской поэзии печатаются рифмованные переводчики или фельетоны, авторы которых подражают интонациям Маяковского и располагают слова «десенкой», или наконец псевдоантисемские оды. Слово «лирика» в литературном просторечье потеряло свой смысл: «лирикой» стали называть стихи о любви. Такой «лирикой» у Слуцкого нет; я не знаю его любовных стихов; может быть, еще не написал. Однако все его стихи чрезвычайно личны, рождены душевным волнением, и в драмах своих соотечественники он говорит, как о пережитом им лично. Пожалуй, единственное «любовное» стихотворение посвящено чуждой страсти:

По телефону из Москвы в Тагил Кричала женщина с какой-то чудной силой: — Не забывай! Ты слышишь, милый, — Не забывай! Ты так меня люби! — А мы в кабинетах, в зале ожидания. В Москве, в Тагиле и по всей земле — Безмолвно, как влюбленные во мгле, Вдыхали эту радость и страданье.

Политические темы Слуцкий передает все с той же личной заботливостью. Когда с Запада надвигались тучи, вспоминал освобожденного солдатами итальянца, он писал:

Чернявый, маленький, хорошенкий, Приятный, вежливый, старательный, Весь, как воробушек, взъерошенный, Колот дрова для поваров, Толкал машины — будь здоров — И плакал горькими слезами, Закапывая мертвецом. Ты помнишь их глаза усталые, Пустые, как пустые комнаты? Тех глаз не забывай

В любой работе очень тщательный, Толкал дрова для поваров, Толкал машины — будь здоров — И плакал горькими слезами, Закапывая мертвецом. Ты помнишь их глаза усталые, Пустые, как пустые комнаты? Тех глаз не забывай

Есть у Слуцкого суровое отношение к долгу поэта и к его работе. В одном из стихотворений он сравнивает стих с солдатом, который идет в атаку. Он хорошо понимает силу искусства, даже когда (как многие его предшественники) хочет скрыть умиление кривлею:

Шёл фильм, и билетерши плакали Семь раз подряд над ним одним, И парни девушка не лапали, Поскольку стыдно было им. Глазами грустными и грозными Они глядели на экран. А дети стая мечтала взрослыми, Чтоб их пустили на сеанс. Под музыку дешёвый гром Из смеси черного и белого С надеждой, правдой и добром. Свободу воссвояли образы, Сюжет кричал, как человек. И пробуждался чувства добрые В жестокий век, в двадцатый век.

Может быть, иной критик, увидев слова «жестокый век», вздумает причислить Слуцкого к пессимистам? Такое за некоторыми критиками водится. Но ведь воя на тема для «Розовой библиотеки», показывать ее, как парад, бесстыдно, да и бесцельно — никто не поверит. Слуцкий знает цену победы, знает жертвы и беду народа. Но он мужественно смотрит вперед. Он гордится тем, что создано народом:

У Белорусского и Курского Смотреть Москву за пять рублей Их собирали на эскупержо — Командировочных людей.

Закутавшись в одежи средние, Глядят на бронзу и гранит — То с горделивым удивлением Россия на себя глядит. Она копила, экономила, Она вприглядку чай пила, Что выросли заводы новые, Громады стали и стекла.

Встает естественно вопрос: почему не издадут книги Бориса Слуцкого? Почему с такой ослепительностью его печатают журналы? Не хочу быть голословным и приведу пример. Есть у Слуцкого стихотворение о военном транспорте, потопленном немцами. Написал он его давно, а напечатано оно недавно в журнале «Пионер» после того, как его отклонили некоторые чрезмерно осторожные редакции. Вот отрывок из него:

Люди сели в лодки, в шлюпки влезли. Лошадь поплыла просто так. Что ж им было делать, бедным, если В лодках нет мест и на плотах. Плыл по океану рыжий остров. В море, в синем, остров пылал гнейдой. И сперва казалось — плавать просто, Океан казался им рекой. Но не видно у реки той края... На исходе лошадиный сил Вдруг заржали кони, возражая Тем, кто в океане их топил. Кони шли ко лпу и ржали, ржали, Все на дно покуда не пошли. Вот и всё. А всё-таки мне жаль их — Рыжих, не увидевших земли.

Детям у нас вевет. Повесть «Старик и море» Хемингуэя выпущил в свет Делга, а трагические стихи о потопленном транспорте опубликовал «Пионер». Всё это очень хорошо, но когда же перестанут обходить взрослых? Три года назад я закончил статью «О работе писателя» заверением, что мы находимся накануне расцвета нашей литературы. Одни тогда говорили, что я слишком строг к прошлому, хотя я и писал, что в предшествующие годы были созданы некоторые прекрасные книги. Другие считали мой оптимизм необоснованным. Достаточно взглянуть в толстые журналы, в альманахи, чтобы увидеть, как ожила наша поэзия. Было бы несправедливым сказать, что проза не оправдала надежд: проза требует больше времени. Литература всех народов начиналась с поэзии, да и многие замечательные прозаики прошлого тоже начинали со стихов. Я убежден, что предосторожность нашей поэзии — расцвет поэзии тому порукой.

Говорят, что стихи особенно близки молодым. Вероятно, это так: в молодости чувства обостреннее. Но признаюсь — стихи Слуцкого меня волнуют, хотя я и стар. Я нахожу в них мою жизнь, мой век, мои надежды и горечь, всё, что позволило мне вместе с другими идти вперед, хотя порой это было нелегко, идти и дойти до наших дней.

«Она копила, экономила, Она вприглядку чай пила, Что выросли заводы новые, Громады стали и стекла.

На чувствах мы никогда не сэкономили, и часто нам бывало обидно, когда мы читали пустые, холодные стихи, ничего и никого не выражающие. Ведь стихи — это не сахар, это скорее соль, — без поэзии не обойтись. Хорошо, что настало время стихов.

«Она копила, экономила, Она вприглядку чай пила, Что выросли заводы новые, Громады стали и стекла.

Забывайте, что это наследие должно, наконец, «стать народным достоянием».

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

Певец Сибири

Выставка работ художника-сибиряка И. Титкова в Москве привлекла много посетителей.

После осмотра картин и рисунков я подошел к столу, на котором лежала объемистая книга отзывов. Невольно хотелось сравнить свои впечатления с отзывами других.

Мы — земляки с художником. Картины детства, юности и зрелой поры, события многих лет, участие в них были для нас общими. И поэтому, что отобразенное в живописных полотнах, рисунках, графике, акварелях глубоко пережито художником, хочется понять, какова сила воздействия творчества его на людей, впервые знакомящихся с ним.

Книга заполнена отзывами различных посетителей. Здесь студенты, ученые и рабочие, журналисты и художники, воины Советской Армии. Но все они единодушно сходятся в одном: выставка — интересное событие в художественной жизни столицы. Все, побывавшие на ней, словно вочую увидели могучую нашу Сибирь, ее неповторимый богатырский пейзаж, ее преобразователь — людей.

Исследователь Алтай Титков запечатлел на полотне чудесные его пейзажи, он сделал множество акварелей, наивных народных эпосом, тысячи цветных зарисовок предметов быта, орнамента, украшений. В годы Великой Отечественной войны артиллерийский разведчик старшина Титков заносил в свой альбом впечатляющие рисунки пером, писал акварели.

Но больше всего на выставке привлекают живописные полотна. Подолгу стоят посетители у картин «Река Обь», «Енисей», «Чуйский тракт», «На берегу Байкала».

«Да, это Сибирь! — восклицает кто-то рядом. Небольшое полотно. Вечерняя, освещенная вечерним солнцем, уходит в бесконечность Обь. По плесу плывет пароход. Вдали дымят

«Чуйский тракт» — картина художника И. Титкова.

Радиоспектакль по Лескову

Те, кто видел в тридцатые годы инсценировку по Лескову «Леди Манбет Миенского уезда», поставленную в своей студии Алексеем Динком, помнят, вероятно, ту оригинальную деталь, в которой пригласил режиссер для характеристики образа героини спектакля — купеческой жены Катерины Измайловой. В первом акте, вопреки лесковскому описанию, Динк делал ее блондинкой; но по мере того, как росла любовь и с Сергеем все дальше увлеклась Катерина по пути претуплений и убийств, она все больше темнела, так что в последнем акте, в полном согласии с Лесковым, представляла уже брюнеткой. Еще недавно такой прием был бы безсмысленным отнесением к ведомству формализма. Но сейчас, когда через двадцать с лишним лет после премьеры слушаешь по радио запись этой постановки, восстановленной для Радиокomiteта вторым режиссером спектакля Л. Петровым, понимаешь, что в этом «зорком жесте» талантливый художник заключено нечто большее, нежели простая демонстрация условности театра. В нем отразилась та своеобразная и очень смелая трактовка, какую дал знаменитому лесковскому очерку Алексей Динк.

В самом деле, история жизни и смерти Катерины Измайловой, недаром названной автором «Леди Манбет Миенского уезда», связана в нашей памяти с представлением о страсти темной и жестокой, о крови, пролитой без содрогания и раскаяния, о смерти, в которой нет искупления, а одно лишь бездальное отчаяние. А Динк по-иному решает этот образ (смелая рука мастера и сейчас чувствуется в радиоспектакле, созданной усилиями редактора Радиокomiteта Т. Алмазовой и режиссера Т. Захарова), и Катерина Измайлова в своеобразном и тонком исполнении артистки Л. Горюхиной несколько приближена — не побоясь этого на первый взгляд парадоксального сопоставления — к Катерине Островской, особенно первых актов «Грозы».

Режиссер меньше всего видит ее злодейкой и преступницей, и в очерке Лескова его интересует не психология греховной страсти, а история сильной женской души, загубленной «идиотизмом» жизни. Поэтому с первых же реплик Катерины режиссер вводит нас в наивный, поэтический, еще дремотный мир молодой женщины. И вспоминает ее о бедной, зато волевой молодости своей — подвечные чистые, и мечта о «ребеночке» — нежная и ясная, и тоска от жизни с постылым мужем — не удаляя, не тяжкая, а смутная, жалобная.

Но заунывный мотив и однообразные медные удары тарелок уже пророчат Катерине беду, и в голосе ее, когда она спрашивает куклу о Сергее, слышится дрожь дурных предчувствий... И недаром, потому что Сергей в трактовке Динко — фигура не только величественно-яркая, но и страшная. Если уж говорить о том, кому в этой постановке принадлежит роль уездной леди Манбет — то есть интонация и вдохновитель мученичества, — то, конечно, Сергею, которого играет артист Г. Менглет.

На радио в распоряжении актера имеется едва ли половина тех средств выразительности, которыми располагает он на сцене. Но и этого довольно Менглету, чтобы с лесковской шестью и затейливой красотой обрисовать личность этого мещанского Дон Жуана и «поубийца» — жестокого без кавычек.

Вслушавшись только в призрачный флюиды его неслышаемого голоса, в осторженные, почти робкие интонации, когда он впервые пролетает соблазнить Катерину своим лубымым красочным. А когда от тоски, от беспримечности своей жизни, от доверчивой наивности, наконец, она поддается его уговорам, — каким сытым хамством звучит его ставшая отрывистой реплика! И снова осторожные, но настоящие и даже угрожающие в подтексте интонации, когда он намекает, что не только свекра и мужа, но и ни в чем не повинного наследника Федю, посягающего на часть катеринных капиталов, придется убить — иначе, дадут ее злодейский, обидчивую полюбившуюся... Убийство маленького Федю — самый страшный обвинительный акт против Катерины, но даже здесь актриса не делает ее злодейкой. В беспомощно-однообразной, как бы заторможенной интонации ее, в повторяющейся фразе — «нет, ты лг — так много недоумения, ужаса и боли, что невольно вспоминается несбытчная мечта Катерины о «ребеночке».

А потом — безнадёжно унылая музыка кандаального перелова, берущая за душу бесконечность русских дорог, убожество грязных островов, бессмысленная нежность Катерины, беспощадные издевательства Сергея, — и смерть в холодный и ненастный осенний день... И от могущества ли поэтического языка Лескова, от задуманного грудного голоса и бесконечной печали Катерины, от нежности и светлой мелодии народной песни, провожающей арестанта в дальний путь, от человечности ли, которую, может быть, впервые в своей жизни встретила Катерина у острожных баб, — но только постановка Динко рождает мысль о душевной силе русского человека.

В литературном отделе Радиокomiteта уже сейчас (передача прошла в эфир пока всего два раза) лежит около двухсот писем слушателей. Едва ли нужно что-нибудь добавлять к этому.

М. ТУРОВСКАЯ

«Срочно ишу Шекспира»

Все в этом спектакле необычно. Раздвигается занавес, и прямо на сцене начинает размахивать огромный рулон бумаги — так возникает задник с нарисованной тушью пейзажем немецкого городка. Гигантские папки рукописей, передвигаемых по сцене, изображают то ширму в кабинете, то перегородку в ресторане, то стену большой палаты. Никого из зрителей не смущает то обстоятельство, что врач, совершающий обход, останавливается перед большим, нарисованным на стене. А изображенный на полотне Шекспир в ответ на глгобыкомысленную тираду одного из героев изумленно поднимает брови и раскрывает рот... Пьеса немецкого драматурга Хейнарда Кинпхардта «Срочно ишу Шекспира», поставленная Художественным театром Латвийской ССР имени Я. Райниса, воспринимается как острая сатира против всего, что мешает развиваться социалистическому искусству; вместе с тем она тепло рисует любовь к жизни, хороший человеческий нравственный мир. Именно поэтому в спектакле сочетаются гротеск и романтика, смешное и трагическое.

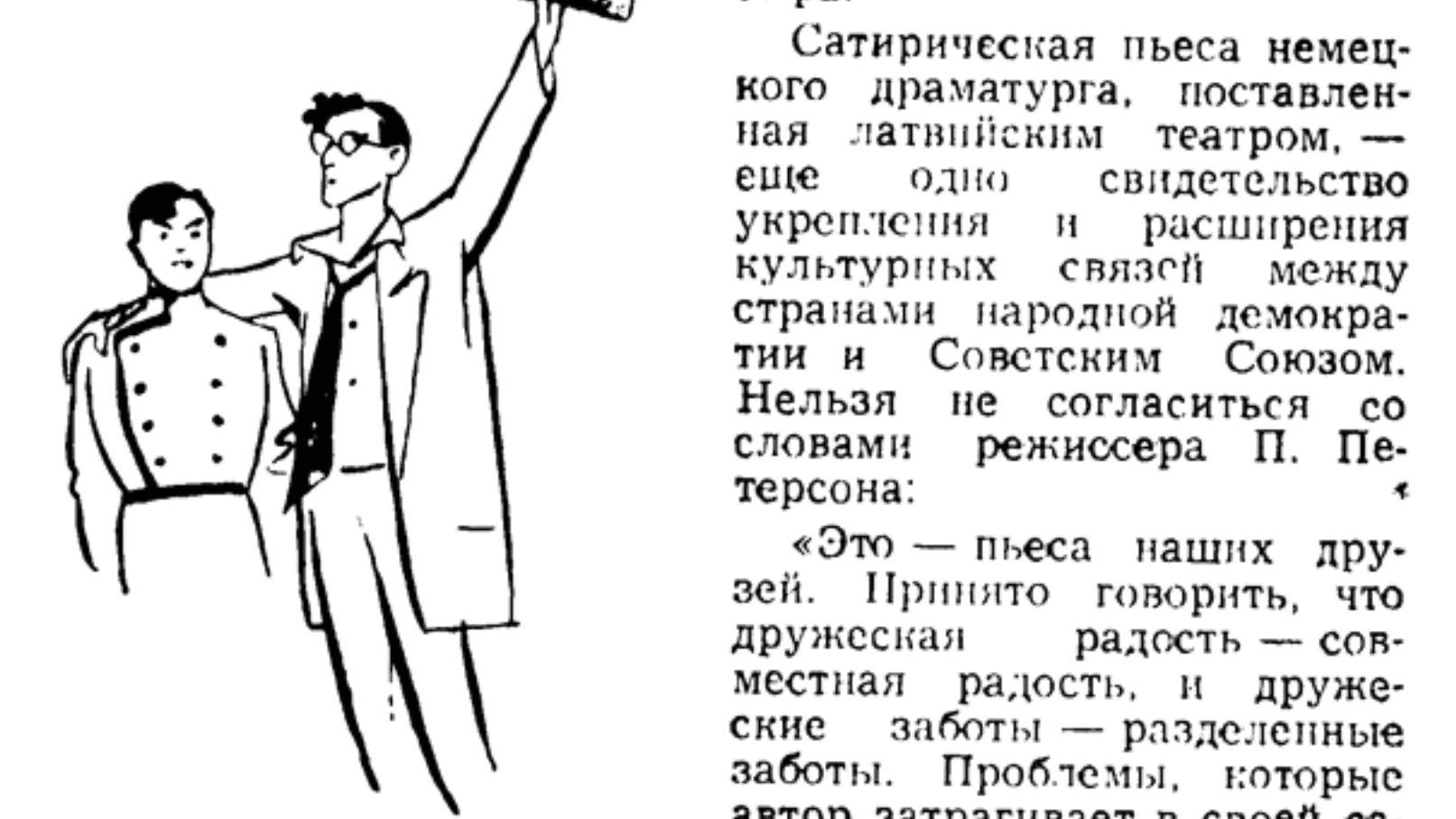
В одном из маленьких городков Германской Демократической Республики живет драматург Амадеус Фербель — человек, искренне преданный искусству, захваченный паросом создания новой жизни. С большим рвением ищет он новых талантливых людей, знающих жизнь и способных отразить ее в современной пьесе. Объявлен конкурс. Фербель завален рукописями — и вот талантливый драматург найден! Молодой слесарь Рабан написал хорошую современную комедию. Однако большой, замушечный бессонной ночью Фербель совершает страшную ошибку: он выгоняет Рабана из кабинета, приняв его за одного из графоманов. Вместе с автором исчезает и рукопись. Фербель решает отыскать автора и добиться постановки на сцене его пьесы. После долгих поисков ему это удается. Но сделать это было нелегко. На пути Фербеля и автора встречается немало препятствий.

Остро сатирически в пьесе и спектакле показаны бюрократы и демагоги Шнелль и Шульте. Шнелль (роль его исполняет Э. Валтер) — директор театра. Это бездар-

ный человек, живущий под защитой громких фраз, как черепашка под панцирем. Люди, подобные Шнеллю, не терпят сатиры. «Я всегда отклоняю и буду отклонять сатиру, как неакадемическую, объективистки — космополитическую пахотню!» — заявляет он, мешая проникновению сатирической пьесы на сцену.

Шнелль — Э. Валтер в последнем действии. Директор театра, поставившего удачную современную пьесу (на самом деле она сыграна вопреки Шнеллю!), находится в апогее славы. Нальщенный и важный, появляется он в свете прожекторов перед корреспондентами. Он пыжится, чтобы казаться значительным, но предстает совершенно ничтожным, когда Рабан и Фербель разоблачают его. Перед нами — жалкая трагикомедия карьеризма.

Смешон Шульте (артист А. Каллан), по недоразумению попавший на пост начальника местного управления искусств. Свои взгляды он выражает откровенно: «За талант я не дам и ломаного гроша. Талант никогда не напишет тебе пьесу так, как ты от него требуешь. Почему? Да потому, что он хочет подкупить тебя, как только свои собственные взгляды». Люди, подобные Шнеллю и Шульте, опасны потому, что поощряют проходимцев и конъюнктурщиков. На сцене происходит целая галерея таких типов. Наиболее яркий образ — это Монгайт, роль которого исполняет артист Ж. Приекулис. Монгайт — воплощение ограниченности и конъюнктурщины. У этого долговязого дегина с озабоченно нахмуренным узким лбом вечно подмышкой зажат увесистый том — его пьеса. В ней, по уверению автора, можно найти все самые значительные темы: объективизм, космополитизм, формализм, пафизм, экономизм — и так далее, до бесконечности... Как мы говорили, пьеса Кинпхардта не только сатира. Группе гротесковых фигур Шнелля, Шульте и других противопоставлены настоящие люди — Рабан с друзьями, Фербель, Фридолин и другие, со своими заботами и радостями, со своей любовью. Глубоко человечен образ Фербеля (артист В. Скулме) — есть то дожитое в его нескладной худой фигуре, в его

Фридолин, расслышавший — артист А. Берзинь; Фербель — артист В. Скулме.

Рис. худ. А. Станкевича

Р. ТРОФИМОВ

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

В газете «Советская Латвия» на днях опубликована статья члена-корреспондента Академии наук Латвийской ССР К. Граудина «О литературном наследии П. Стучки и Р. Пельше».

Забывтое богатство

шое идейно-воспитательное и теоретическое значение, незаслуженно мало известно. «Несмотря на то, что все литературно-критические труды П. И. Стучки и Р. А. Пельше, как правило, являются библиографической редкостью, в нашей республике», говорится в статье, — ничего не сделано для сбора, систематизации и публикации этого ценного литературного наследия. Все литературно-критическое наследие П. И. Стучки хранится в Институте истории КП Латвии. Однако институт за все годы не подготовил к печати ни одной работы П. И. Стучки. Ничего пока не делается в республике по подготовке к изданию литературно-критического наследия академика Р. А. Пельше. Резкого осуждения заслуживает и позиция Латвийского государственного издательства: за 16 лет своего существования оно ничего не сделало для публикации литературного наследия П. И. Стучки и Р. А. Пельше. Газета справедливо указывает, что это наследие должно, наконец, «стать народным достоянием».

К ЮГУ ОТ САХАРЫ

5. Родезия. Новые вывески, старые порядки

Дорис ЛЕССИНГ,
английская писательница

Мои спутники по самолету, на котором я возвращалась из Йоханнесбурга в Солсбери (Южная Родезия) после того, как мне отказали во въезде в Южно-Африканский Союз, выражали мне сочувствие, похваливали голову, обсуждая события в Южной Африке, и говорили: «Эти африканцы теряют голову». Бедным, живущим в Южной Родезии, их страна кажется ярким светом прогресса, когда они сравнивают «свои» порядки с тем, что творят Стрейдом и его окружение. Толстый бизнесмен, сидевший по другую сторону прохода, сказал: «Люди надо разрешать думать, что они хотят. Думайте, и давайте думать другим, вот что я говорю». И все это говорили представители страны, где до пятидесяти миллионов лишены права голоса и живут в условиях сегрегации. Ведь юридическая структура и расовые барьеры Южной Родезии почти ничем не отличаются от тех, которые существуют в Южно-Африканском Союзе.

Южная Родезия была покорена всего лишь 60 лет назад. Родс, опасавшийся, что Южно-Африканский Союз окажется во власти бурского национализма и стремившийся к осуществлению своей мечты распространить владычество Британской империи от мыса Доброй Надежды до Каира, направил своих эмиссаров в Булавайо. Короля Матабелеленга Лобенгулу с помощью самого откровенного предательства убедили отказаться от своих наследных прав. Матабелеленга полаг под контроль «Британской Южно-Африканской компании». Матабелеленга разделил его судьбу. Как только эти две территории были объединены под контролем компании, в страну начали прибывать поселенцы. Они захватили лучшие земли, обложили африканцев налогами и заставили их работать на себя. В 1923 году поселенцам предоставили самоуправление. Был создан парламент. Тогда же перед белыми избирателями был поставлен вопрос о том, хотят ли они стать пятой провинцией Южно-Африканского Союза. Они проголосовали в пользу сохранения этих территорий на положении английской колонии.

С одной стороны, поселенцы чувствуют себя англичанами, избегают африканцев и стремятся препятствовать их приходу к югу. С другой стороны, они хотят избавиться от «вмешательства» со стороны Великобритании, выражающегося в сохранении за ней права вето в отношении дискриминационного законодательства, определяющего взаимоотношения белых и черных. (Кстати сказать, Уайтхолл никогда и не думал использовать это свое право, и сотни расистских законов были приняты без малейшего протеста с его стороны). До войны отношения между белыми и черными были по сравнению с сегодняшним днем и более жестокими и более легкими. С одной стороны, поселенцам давали в аренду землю, которую «князи туземцев» могли обладать какими-либо правами, и поэтому жестокости белых мог делать все, что ему заблагорассудится. Но, с другой стороны, были еще возможные мирные феодальные отношения. Лучшее представление об этом можно получить из описаний дорезианской России в произведениях Чехова, Толстого, Тургенева, которые очень часто напоминают мне мою родину. Бесконечным дискуссиам о «крестьянстве» и колониализме у себя в душе соответствуют в Родезии бесконечные разговоры о «туземце». То, что говорилось в барской, помещичьей среде о русском крестьянине, повторяется теперь об африканцах: они якобы «ленные», «безответственные», «беспомощные», «сеуверные» и т. д. Толстовские...

Предложение. Начало см. в № 76, 77, 80, 83.

ского Левина можно ныне встретить повсюду в Центральной Африке. Это — либра, которому импонируют скрытая сила и глубокая человечность африканцев, но вместе с тем не верящий, что они могут самостоятельно решать свою судьбу. Левин в Африке всегда мечтает «пойти в туземцы», бежать от сложностей «современной цивилизации», которую он считает в корне порочной. Левин в Африке мечтает и склонен к сочинению мистических трактатов, которые никогда не кончат по лености. Он совершает продолжительные походы в джунгли в сопровождении туземца-слуги, к которому он привязан больше, чем к любому другому живому существу, и которому он рассказывает обо всем... Он пишет стихи, наполненные верой в бога, считает, что все правительства плохи, и мечтает о том, как он когда-нибудь купит землю в Бельгийском Конго или необитаемый пустынный островок в Тихом океане, где будет жить один (не считая, конечно, своего слугу-туземца). Он убежден, что источником всех пороков являются деньги. Это очень милый и очень инертный человек. Я знаю несколько десятков таких Левинских. Мой отец был одним из них.

После войны положение становилось все более напряженным. Стрейдом всецело поддержал высказывания о том, что «каждый должен знать свое место». Но в Центральной Африке говорили о «товариществе».

«Товарищество» — это новое слово. Шесть лет назад, когда я покидала Родезию, его еще не знали. Оно родилось вместе с Федерацией Центральной Африки* три года назад.

Федерацию протаскивали вопреки воле африканцев, проживающих на трех территориях (Северной и Южной Родезии и Ньясаленда). Им обещали «товарищество», полное социальное, экономическое и юридическое равенство. Идея эта является, конечно, совершенно неприемлемой для белых поселенцев. Поэтому теперь, когда речь заходит о «товариществе», толкуют либо о «равенстве через тысячу лет, когда африканцы станут цивилизованными», либо о том, что «в течение пятидесяти лет белые будут старшими партнерами, пока африканцы не докажут, что они могут быть равными партнерами». И все же известное значение имеет тот факт, что в отличие от Южно-Африканского Союза, где политика носит открыто расистский, бесстыдно фашистский характер, в Центральной Африке она «поворачивается»: об африканцах официально говорят, что «потенциально они ничуть не хуже белых».

Что это — пустые слова? Не думаю. Словесные формулы, в которых правящему классу приходится выражать свое господство, важны. Изобретение формулы «товарищество» свидетельствует о том, что империализм уже не может больше управлять старыми жестокими способами. С помощью этого слова пытаются также успокоить совесть тысяч белых людей, взволнованных тем, что происходит в Центральной Африке.

Пока я была там, меня возили в официальные поездки энтузиасты из числа должностных лиц, гордые своим моральным превосходством над Южной Африкой, гордые концепцией «товарищества» и убежденные, что я, пусть и не уроженка

* В так называемую Федерацию Центральной Африки включены колонии Северная и Южная Родезия и Ньясаленд.

Рынок в Солсбери (Южная Родезия)

Рисунок П. Хогарта.

Родезии, но во всяком случае человек, выросший здесь, должна быть приятно удивлена их либерализмом. Они считали себя весьма либеральными гражданами: «Посмотрите, что мы делаем для наших туземцев...».

Все шестьдесят лет, что белые поселенцы живут в Центральной Африке, они смотрят на африканца как на дикаря, которому ничего не надо, кроме хижин и кукурузной кашки. Лозунги господства медленно меняются: когда я уезжала, любя африканца, забывшего, что кукурузная похлебка, тростниковая хижина и болезнь не обязательно должны быть его уделом, посчитали бы агитатором. А агитатор — это тот, кто требует политических прав.

В 1956 году, когда африканцы высят прежде всего политически, даже самые либеральные белые отяжело не согласны на предоставление им какой-либо степени независимости. Лозунг дня — «экономика, но не политика». Его повторяют все, начиная с премьер-министра: «Зачем вы настаиваете на праве голоса? Ведь вам нужны лекарства, жилье и пища».

Пропсть даже между наиболее прогрессивными белыми и африканскими руководителями весьма широка. Большинство белых совершенно не знает африканской истории, африканских обычаев, нравов и образа мышления. И так как политически мыслящий африканец с их точки зрения — плохой африканец, у них нет возможности познакомиться с африканскими руководителями. Но дело не только в этом. «Цветной барьер» со всеми сопровождающими его необоснованными опасениями, глупостями и парадоксами, не дает возможности белым изучить основы жизни африканцев. Об известной части белого населения можно сказать, что разум этих людей постепенно изолупруется не только от восприятия истинной ситуации, но и от понимания любых идей. Обладая чрезвычайно высоким уровнем жизни, располагая любыми удобствами и проживая в прекрасном климате, белые буржуа ведут животную жизнь, суть которой сводится к еде, выпивкам, кино и спорту. Физической работы белые не знают, за них ее делают африканцы. Их не тревожат никакие страхи и опасения, за исключением одного основного, хотя и подавленного, но сильного: они боятся, что белая черная гусыня, несущая золотые яйца, может внезапно превратиться в рассерженного лебедя. Более просвещенные белые знают, что африканец уже стал таким лебедем.

ЛОНДОН, июль

Карел Гавличек-Боровский

Завтра исполняется столетие со дня смерти классика чешской литературы Карела Гавличка-Боровского (1821—1856 гг.).

Карел Гавличек-Боровский — ярчайший сатирический талант. Самая значительная его вещь — «Крещение св. Владимира» (острый памфлет против царизма и православной церкви). Интересны его книги «Эпиграммы», а также «Тирольские элегии» и «Моя песнь». Боровский перевел на чешский язык ряд произведений А. Пушкина и Н. Гоголя. Мы помеем несколько эпиграмм Гавличка-Боровского в переводе Александра Безыменского.

ЭПИГРАММЫ

Бургомистру славной общины Х...

Ты хвастаться, имея все права,
И ты себе представить, каковы
Должны быть уши у подобной головы.

Последствия Белогорской* битвы

Покуда в Чехии господствовала ересь
Немало лет подряд,
Мы, как в раю, в стране родимой жили,
А после смерти попадали в ад.

Это теперь, когда нам послан богом
Наш Фердинанд Второй** с его
отребьем,
Мы в нашей Чехии имеем сущий ад,
А после смерти — рай на небе.

Осел и лиса

Осел-человек, восхищенный собой,
То и дело твердит: «Я, я, я, я, я»,
Он думает тайно: «Вас, Вам, Вы»,
И поклажу таскает за вас — на себе.
Лиса-человек вечно думает «я»,
Но словечка такого не вымолвит вслух,
Он учтиво твердит: «Вас, Вам, Вы»,
А поклажу свою вам дает он нести.

Казуистическая

Нет, нет! Иезуитом не был
Иона, ниневитский миссионер!..
Нельзя поверить, скажем смело,
В то, что Иону рыба съела,
Когда бы он не изумитом был,
Он рыбу сам бы проглотил,
К тому же признак есть особый,
Что он иезуитом быть не мог:
Ведь он три дня в китовом черве
пробыл —
А кит не сдох!

* В 1620 году на Белой горе под Прагой чешские войска потерели поражение от баварской армии. Чехия на 300 лет потеряла свою независимость, превратившись в австрийскую провинцию Богемия.
** Фердинанд II (1578—1637) — король Богемии и Венгрии. Яркий представитель католической реакции.

Международная почта

ОСОБОЕ ОБУЧЕНИЕ ОСОБОЙ БРИГАДЫ

ЧЕЛОВЕК расстрелян почти в упор... Английский журнал «Иллюстрейтед» не без удивления комментирует: «Ефрейтор Годдерд поступает с агитатором реалистически». Впрочем, на сей раз убийство не состоялось — это только репетиция. И Годдерд и его партнер, изображающий «агитатора», служат в английской 24-й особой пехотной бригаде. На фотоснимке, взятом из «Иллюстрейтед», запечатлен момент их довольно своеобразной «игры». «Игра все та же, — охотно сообщает журнал, — подавление беспорядков... По свидетельству корреспондента в штабс-корпусе пехоты в журнале «Иллюстрейтед» Роберта Джексона, побывавшего недавно в лагере в окрестностях Барнаста (графство Дуглам, Англия), солдаты и офицеры 24-й особой пехотной бригады обучаются с февраля этого года искусству подавления беспорядков.

Пять каждую минуту из «тайной команды» военного министерства в Лондоне, личный состав занялся в учебными тренировками. «Молодые солдаты, не являющиеся членами Бесспорядков и офицерами бригады, самолеты доставят их к месту назначения. А пока что, в ожидании сигнала, который может посту-

ПЛАТИТ — ХОЗЯИН...

ЗАВИСИМОСТЬ американской буржуазной прессы от монополий, денежная зависимость, — факт общезвестный. Американский публицист Джордж Марион в своей книге «Остановите печать» наглядно показал, каковы связи крупных газет США с большим бизнесом и какую роль в этих взаимоотношениях играет, в частности, реклама.

Без огромных доходов от рекламы, представляемой капиталистическими концернами и фирмами, газетное дело там существовать не может. Это и определяет лицо американской прессы, которая, по характеристике Дж. Мариона, «представляет собой наполненную рекламой, на одну четверть — «комиксы» и на одну четверть — искаженную информацию в форме сенсационного товара — «новости», — товара, который к тому же... отравлен замаскированной рекламой».

Не так давно агентство Ассошиейтед Пресс, ссылаясь на данные Американской ассоциации издателей газет, распространило сообщение, показывающее, сколько большие средства тратят монополии США на рекламу.

Так, автомобильная компания «Дженерал моторс» истратила в прошлом году 62,5 миллиона долларов на газетные объявления, с тем, чтобы сохранить свое место крупного рекламодателя в самых больших газетах США, намного опередив в этом отношении другие фирмы.

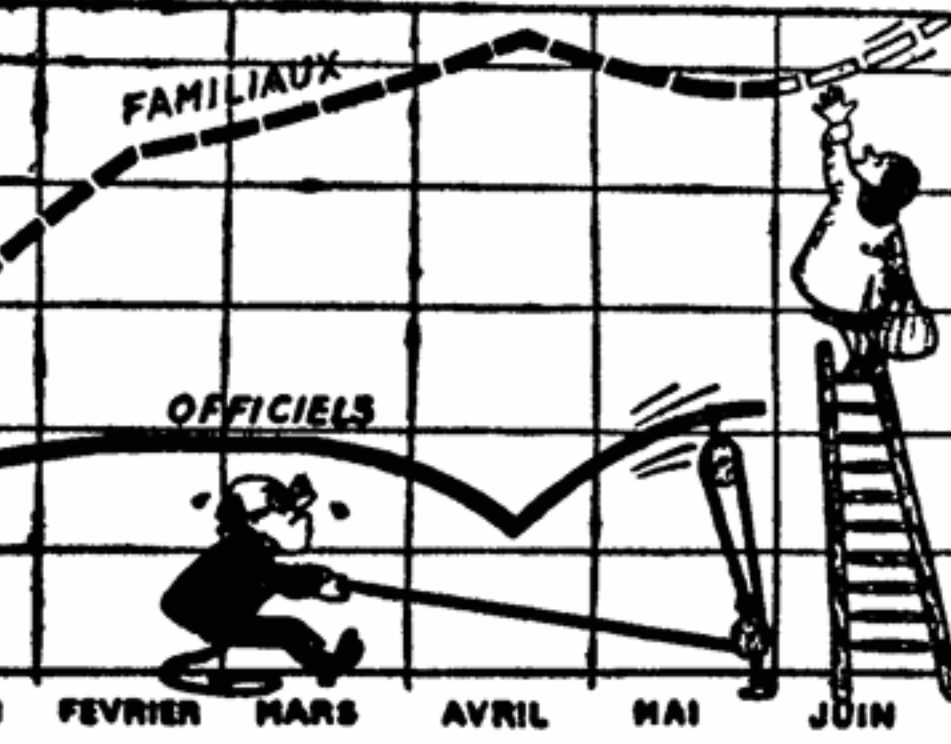
Расходы фирмы «Форд» в 1955 году на газетную рекламу составили 29,8 миллиона долларов, фирмы «Крейслер» — 24 миллиона долларов.

Поговорка гласит: кто платит, тот заказывает музыку. Цифры, приведенные агентством Ассошиейтед Пресс, свидетельствуют, что американская печать отнюдь не «свободна», как это любят с пафосом утверждать некоторые заокеанские деятели.

пять каждую минуту из «тайной команды» военного министерства в Лондоне, личный состав занялся в учебными тренировками. «Молодые солдаты, не являющиеся членами Бесспорядков и офицерами бригады, самолеты доставят их к месту назначения. А пока что, в ожидании сигнала, который может посту-

СТАТИСТИКА И ЖИЗНЬ

«ОФИЦИАЛЬНАЯ статистика и домашние хозяйки» — под таким заголовком французский буржуазный еженедельник «Экспресс» опубликовал эту диаграмму-картинку, посвященную росту цен во Франции.

«Цены снова пустились в пляс, — грустно констатирует «Экспресс». — С каждым днем домашние хозяйки расходуют на покупку продуктов питания все больше денег».

Изображенная на рисунке домашняя хозяйка, взвешивающая на последнюю ступеньку лестницы, тщательно старается догнать до современного уровня цен. Эта верхняя линия, намеченная пунктиром, — кривая фактического роста цен. Черная линия в нижней части рисунка — «данные» официальной статистики; отчаянными усилиями человек с карандашом за ухом старается «не допустить» увеличения дороговизны... За последние несколько месяцев, по данным обследования, занимающих вопросы семейного обеспечения, расходы французов на питание возросли примерно на 20 процентов. Однако официальная статистика практически не отражает это явление.

Метод практический, основанный на простом исключении из своих видений цены на некоторые продукты. В частности, из их поля зрения «выпадают» цены на овощи и фрукты, выросшие, по сравнению с прошлым годом, на 50 процентов.

«Подобные действия, — заключает «Экспресс», — позволяют властям игнорировать повышение цен и, более того, даже объявить о якобы происшедшем снижении стоимости жизни. Но факты ни в коей мере не подтверждают это, а говорят об обратном».

ЛОЖКА МЕДА В БОЧКЕ ДЕГТЯ

«РУССКИЙ язык рекомендован Германским комитетом как обязательный предмет обучения», — сообщила недавно западногерманская газета «Нейе рейнштейн».

Но тут же газета поспешила заверить читателей, что «Германский комитет по вопросам образования и воспитания», вынесший такое решение, не «самостоятельная просветительская организация» (эти привидения и то дело возникает в разгоряченном мозгу западногерманских охотников за ведами!), а политическое вполне благонадежное учреждение... Газета свидетельствует также, что доклад, представленный комитетом в обоснование предложения об изучении русского языка взамен другого иностранного языка, «меньше всего может быть расценен как дружественный по отношению к Советскому Союзу».

Впрочем, и статья газеты, интерпретирующая доклад комитета, к сожалению, не была расценена иначе. «Нейе рейнштейн» прямо-таки афиширует одностороннюю ориентацию Федеративной Республики Германия на Запад. Правда, в статье говорится, что, мол, ФРГ не следует поворачиваться спиной к Востоку, а надо проявить к Советскому Союзу «деловую заинтересованность». Но на поверку выходит, что эти слова не имеют ничего общего с действительным стремлением широких слоев западногерманского населения к развитию дружественных отношений между ФРГ и СССР. Газета подчеркивает: изучать русский язык нужно потому, что большевизм — это же «реальная угроза». И так, не для «сближения с советским народом, а для борьбы против мифической «большевистской опасности»... Напрасно стали бы мы искать в докладе комитета и в статье «Нейе рейнштейн» хоть слово о пользе изучения русского языка для сближения народов, прощения к великой русской культуре, науке, литературе. Вместо этого то и дело наталкиваемся на острые антивоенские пропаганды. Повстанце, ложка меда утоплена в бочке дегтя.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ,
Редакционная коллегия: Г. ГУЛЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ
(зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ,
Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Вокруг предстоящих выборов в США

Приближается начало официальной предвыборной кампании в США. 13 августа состоится национальный съезд демократической партии, на котором будет окончательно определен ее кандидат на пост президента, а 20 августа — съезд республиканской партии.

О ПРУДКОВ

В предвыборной кампании будут затронуты различные стороны внутренней и внешней политики США. Демократы — представители «оппозиционной» правительственной партии — не останавливаются даже перед обвинением состояния здоровья Эйзенхауэра, убеждая избирателей, что он физически не может руководить страной. Ожидается дискуссия развернется вокруг нарушения гражданских прав в Соединенных Штатах, и демократы выставят себя защитниками свобод. Очень остра сейчас фермерская проблема — сельское хозяйство переживает кризис, и за последние четыре года доходы американских фермеров сократились на 33 процента. Представители обеих партий связывают друг на друга вину за обнищание фермеров и делают заманчивые посулы. «Нью-Йорк таймс» в связи с этим перепечатала не так давно остроумную карикатуру на предвыборную тему из американской провинциальной газеты. Миллионную девушку, фермерскую дочь, наперевоз обхаживают городские франты — слои и осел (как известно, таковы эмблемы республиканской и демократической партий), которые хотят заручиться голосами фермеров. Но из дому к ним бежит разгневанный фермер с вилами — отец девушки, он, как видно, не доверяет ни одному, ни другому франту...

Республиканцам и демократам в ближайшие месяцы придется пустить в ход весь свой опыт, чтобы завоевать «любое» не только фермеров, но и большинство американских избирателей. По мере приближения даты выборов (они произойдут в ноябре этого года) основное место в выступлениях претендентов на руководство страной все больше занимают проблемы внешней

политики, войны и мира. И это вполне понятно. От внешнеполитических проблем зависит во многом и жизненный уровень рядового американца, и уровень налогов, львиная доля которых уходит на производство оружия.

Сейчас политики и дипломаты США предпочитают как можно меньше говорить о своих провалах и неудачах и возможно больше распространяться о делах, которые их весьма мало касаются, например о внутреннем положении Советского Союза. Делается это с явной целью отвлечь внимание от своих собственных неудач.

Болезнь президента Эйзенхауэра привела к некоторому изменению соотношения сил внутри республиканской партии. Главную роль в последнее время играли государственный секретарь Даллес, вице-президент Никсон и лидер республиканцев в сенате сенатор Ноулэнд — заядные сторонники «холодной войны». Об их позиции можно судить по самым последним заявлениям. Государственный секретарь, например, подтвердил намерение США добиваться так называемого «освобождения» стран народной демократии. Никсон сделал немало воинственных заявлений во время поездки в Азию.

В последнее время обнаружилось острое разногласие в руководстве республиканской партии. Помощник президента Гарольд Стассен, занимающий умеренную позицию, выдвинул на пост вице-президента Виктора Гаррисона кандидатуру Гертнера — губернатора штата Массачусетс. Американская печать подчеркивает, что Стассен учитывает, как видно, и болезнь Эйзенхауэра и непопулярность Никсона. Однако Гертнер, по сообщению агентства Ассошиейтед Пресс, не дал согласия на выдвижение своей кандидатуры и заявил, что поддерживает на национальном съезде республиканской партии кандидатуру Никсона.

Лидеры республиканцев находятся между двух огней. С одной стороны — монополии, которые стремятся и в дальнейшем продолжать гонку вооружений. Сохранение на посту вице-президента такого человека, как Никсон, несмотря на его непопулярность, представляется кое-кому своеобраз-

ной «гарантией» для Уолл-стрит, так же как и то обстоятельство, что на республиканском съезде будет председательствовать не менее реакционно настроенный сенатор Ноулэнд. С другой стороны — нельзя не считаться с мнением широких кругов общественности, которым до отвращения надоела «холодная война».

Конечно, не следует преувеличивать влияние избирателей на исход выборов. В руках правящего класса, чьи интересы защищают обе крупные партии, — большой арсенал средств, чтобы добиться удобного им результата голосования. И все же сейчас, несомненно, труднее воздействовать путем дезинформации на сознание американцев. С этим связано поражение, которое республиканцы потерпели на промежуточных выборах в 1954 году, потеряв большинство в конгрессе. Корреспондент агентства Юнайтед Пресс Гарри Франц, анализируя нынешние настроения избирателей, острожно замечает: «Все больше распространяется мнение о том, что как на лидеров республиканцев, так и на лидеров демократов лежит задача убедить избирателя в том, что Соединенные Штаты должны сохранить международные обязательства». Под формулировкой «международные обязательства» в данном случае подразумеваются различные атрибуты «холодной войны», вся сложная система политики «с позиции силы» — блоки и пакты, военные базы и гонка вооружений. Но, по словам Франца, миллионы граждан считают, что США должны расходовать больше средств из своего национального дохода на внутренние нужды — просвещение, жилищное строительство, освоение рек и т. п.

Есть еще одно обстоятельство, которое оказывает влияние на позицию правящей американской партии. Хотя США продолжают заправлять в военных союзах и блоках, им приходится учитывать мнение западноевропейских партнеров. А эти партнеры все больше склоняются к отходу от политики «холодной войны», к пересмотру политики «с позиции силы». Поэтому американским дипломатам и политикам приходится лавировать.

Как это делается и к чему это приводит, показывает, к примеру, следующее. Эйзенхауэр заявил, что США уважают стремление ряда стран остаться в стороне от блока. Даллес сделал другое заявление, в котором обрушился на нейтральные страны и назвал нейтралитет «аморальным и близоруким». Поднялся шум в прессе: обозреватели недоумевали — где же истинная точка зрения американского правительства? Тогда Никсон попытался найти «стрелити путь». Он сказал, что США уважают право любой страны избрать свой собственный путь, но «не сочувствуют» тем, кто не проводит «никакого морального разграничения между коммунизмом и демократией». Судя по всему, он имел в виду Индию, поддерживающую дружественные отношения с Советским Союзом.

Весь этот разнобой в правящих кругах дал повод для резкой критики республиканцев их политическими противниками — демократами. И за пределами США резкий тон Даллеса и Никсона вызвал явное неодобрение. Премьер-министр Неру охарактеризовал даллесо-никсоновские откровения как «недемократические».

Естественно, что лидеры демократической партии пытаются использовать промахи и неудачи политического курса США. Лидеры демократов выступают по вопросам внешней политики, резко критикуя действия правительства. Так, Стивенсон в одной из своих последних речей критически отозвался о позиции США в вопросе о прекращении испытаний атомных и водородных бомб. Он заявил, что прекращение испытаний — одна из тех областей, где США могут «совершить шаг вперед по пути разоружения, о котором мы столько говорим».

При двухпартийной системе США такая критика — обычное явление. Партия, находящаяся в данный момент у власти, несет ответственность за политику. «Оппозиционная» партия, мало чем отличающаяся от правящей партии, имеет возможность ее критиковать. Поворот «карусели», — так в Америке иронически называют эту систему, — и роли не меняются, а политика остается той же. Это объясняется тем, что обе партии отражают интересы монополистических групп.

И все же, несмотря на общие цели и задачи, в подходе обеих партий к решению ряда проблем есть известная разница. В целом демократы выступают за более гибкую и менее вызывающую политику. Из трех претендентов на пост президента от демократической партии (Стивенсон, Кефвер и Гарриман) наиболее реакционной позицией придерживается Гарриман. Гарриман называет себя кандидатом, который «борется за принципы Франклина